

ЗИНАИДА ГИППИУС

ПРОШУ ВАС...

Зинаида Гиппиус

Прошу вас...

«Public Domain»

1932

Гиппиус З. Н.

Прошу вас... / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1932

«Леонид никуда не ходил. К Панкратовым одним, – люди такие добрые и так хорошо отнеслись к нему: без Нестора Ивановича погиб бы, пожалуй. А тот устроил его где-то бухгалтером; работа механическая, на скромную жизнь хватает, даже книги можно на набережной иногда покупать, и вечера свободны: читай, думай...»

© Гиппиус З. Н., 1932

© Public Domain, 1932

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Зинаида Гиппиус Прошу вас...

Леонид никуда не ходил. К Панкратовым одним, – люди такие добрые и так хорошо отнеслись к нему: без Нестора Ивановича погиб бы, пожалуй. А тот устроил его где-то бухгалтером; работа механическая, на скромную жизнь хватает, даже книги можно на набережной иногда покупать, и вечера свободны: читай, думай.

Книги Леонид читал только старые, без особого выбора и системы: какая приглянется. Современность его как-то не захватывала. А что захватывало еще, – то к современности не подходило.

Был моложав – весь: и лицом, и телом, и душой: точно на двадцати пяти годах остановился и таким дальше жить продолжал, хотя было ему за тридцать. Даже детское мелькало в синих глазах с длинными ресницами. О войне (по молодости прошел одну гражданскую на юге) вспоминал с содроганием и – с благодарностью Богу, что никого своей рукой не убил. Словом, родился Леонид тремя-четырьмя десятилетиями раньше, – он непременно стал бы толстовцем. У него и взор был такой: человека, прежде всего, честного; до узости, до шепетильности, до мелочности, до упрямства.

У Панкратовых еще бывал он потому, что любил их шестилетнего Мишука. Они подолгу, иной раз, говаривали вместе, отлично друг друга понимая.

Леонид вспомнил, что нынче новогодний вечер, встречать звали; и заторопился пораньше, чтоб не уложили Мишука. Путь дальний, через весь Париж. Леонид нанимал невзрачную, но чистенькую комнатку у старухи-француженки за Клиши, а Панкратовы жили на набережной, около Point du jour¹.

Машинально, думая о чем-то своем, опустил от огней сырой, склизкой ночи – к душным огням метро; и не заметил, как доехал.

На шестом этаже, в крошечной передней Панкратовых (они были небогаты, но, благодаря энергии веселого Нестора Ивановича, не нуждались), Леонида сразу встретил Мишук. Красная шелковая рубашечка, золотой поясок. Мишука держали особенно, такая уж идея у родителей: он еще ни одного слова, кроме русского, не знал, ни одной французской книжки не видел, няня у него была – настоящая русская няня, и сказки ему рассказывались только русские. «Надо покрепче фундамент заложить», – уверяла мать, Анна Львовна. Леонид этому сочувствовал.

– А у нас-то что... – сказал Мишук таинственно, округлив глаза и губы.

– А что такое?

– Тетя Рая у нас, – серьезным шепотом объяснил Мишук.

– Это кто же?

– Я ее прежде не видал. Ее нельзя всегда видеть. Она волшебница.

Леонид улыбнулся, но тотчас серьезно, и тоже шепотом, спросил:

– А ты почему знаешь?

– Я знаю. Чего ты хочешь, – она сейчас дает. Я захотел вагоны, – она вынула, дала. И паровоз с большой трубой. Все смеялись, а она говорит, что в Новый Год, кто чего захочет, можно дать.

Мишук тянул показывать вагоны, но Леониду любопытно было взглянуть сначала на «волшебницу». Держа за руку мальчика, он вошел с ним в столовую.

– А-а! вот и фантаст наш! – закричал весело хозяин, плотный, розоволикий Нестор Иванович. – Об заклад бьюсь, Мишутка уж о вагонах поведал!

---

¹ Рассвет (*фр.*).

В столовой сидели обычные гости Панкратовых, – пять-шесть человек; барышни-племянницы, сорбонский студент, полковник бывший... Леонид всех их знал, встречал. Но он никогда не видел женщину, которая сидела теперь за столом, прямо против двери, и прямо взглянула на него.

Ее полное, круглое лицо облегала белая косынка, – такие носили русские сестры милосердия; только у этой косынка спускалась почти до бровей и падала на плечи, как длинная пелерина. Ничего не было замечательного в простом-простом лице с ясными карими глазами. Лицо свежее, доброе, – и только. Хозяин познакомил:

– Главный Мишуткин друг. А это сестра Раиса... Николаевна. Мы тут о желаниях с ней толкуем.

– Это тетя Рая, – пояснил Мишук. – Это она и есть.

Леонид сел рядом. Мишук убежал за своими вагонами, притащил их и не отставал от Леонида: «Видишь? видишь? я сказал: хочу вагоны! Сейчас вынула и сейчас дала...».

– Вот бы нам так, – произнес со вздохом студент-полковник. Я бы к вам, – как Мишук: тетя Рая, вот чего желаю! А вы бы вынули и дали.

Она улыбнулась и сказала, не тихо и не громко, голосом до того удивительным, не похожим на другие голоса, что Леонид весь обернулся к ней.

– Трудно это вам... как Миша. Как он, – трудно многим.

– Почему? Почему? – заволновался студент. – Желаний, что ли, не хватит? У каждого есть что-нибудь, хотя бы вот у здесь сидящих. Мы говорили...

– Да, да, – подхватила барышня-племянница с умненькими глазками. – Мы говорили сейчас, что вдруг бы, как в сказке, появился добрый гений, спросил каждого, чего он желает, и...

– И вынул бы и дал, как вагоны Мишуку! – подхватил в свою очередь Нестор Иванович. Громко рассмеялся и прибавил:

– Да, ладненько бы было! А ты чего бы пожелала, Наташа? Скажи! Давайте, пофантазируем, кстати, Новый Год, под Новый Год можно. Скажи скорее, чего хотела бы? И пусть все скажут, давайте!

Наташа рассмеялась, за ней другие, заговорили все, но никто ничего путного не сказал. Мишук, обняв свои вагоны, заснул на коленях у тети Раи. Она улыбалась, оглядывая гостей ясными карими глазами, а когда шум затих немножко, промолвила:

– Желание исполнить не так трудно. Да вот беда: желать-то люди не умеют. Не знают твердо сами, чего именно хотят, ну и слов не находят твердых, определительных.

– Как это? Почему вы так думаете? – Ах, неправда, – заговорили вокруг.

– Нет, правда. Вот хоть сейчас доведись: один скажет: хочу много-много денег: другой – удачи, дело выиграть; третий, уж совсем вообще, – хочу счастья. А чтоб вроде Миши – хочу вагоны, нет не найдется сразу ответить, хоть и под Новый Год.

– А если б я у доброго гения автомобиль попросил? – захохотал Нестор Иванович. – Вот и был бы тот же Мишка.

Тетя Рая с улыбкой покачала головой:

– Да разве это заветное твое желание? Самое первое? У Миши было заветное, оно и исполнилось. А получи ты автомобиль, сам знаешь, куда с ним денешься? Продавать – возня, да и совестно, подумай...

Леонид, до тех пор молчавший, вдруг заговорил неожиданно громко, горячо и быстро.

– Да, да, все это правда, правда... Никак нельзя, или трудно найти в себе свое желанье, первое, то есть настоящее и не глупое. То есть выразить его не как-нибудь глупо; и притом не гадко. И еще я хотел сказать, – чтоб оно само было не гадкое. И чтобы за него отвечать. Ведь мы предполагаем, что гений-то добрый, как же я его буду просить о гадком желании? Или даже не гадком, а просто о каком-нибудь мне, мне одному, самому? Деньги, например, сто миллионов

найти, – так это, чтоб другой их потерял? Или хоть иначе, – но чтоб опять мне – на деньги эти жить хорошо? А миллиончик, – мол, ради совести успокоения, бедным раздам? Стыдно! А если я все до копейки раздам – не стыдно, но вздор, вздор! Собрались сто миллионов в одно место на два часа – и опять разошлись, вот и все. Да еще, может, глупей прежнего. Нет, так нельзя, я бы не так. Не то совсем.

– Ну и фантаст! Не то, а как же надо? – с любопытством осведомился Нестор Иванович. А тетя Рая ласково улыбнулась, даже ободрительно.

– Ничего, вы скажите, что думаете, это ничего. Это можно.

– Я скажу, я еще не знаю, но я скажу, – понесся дальше Леонид. – Если я за свое желание отвечаю, – это очень важно! Очень! Если я честно скажу себе, что не гадкое оно и не глупое оно и что я и сам готов ради него потрудиться...

Он остановился вдруг, как бы ища ускользавшей мысли.

– Вот мое желанье, – сказала Анна Львовна. – И не глупое, – уложить маленького нашего счастливца в постельку. Потружусь – и, наверное, исполнится.

Она взяла сонного Мишука с колен тети Раи и, вместе с игрушками, которых он из рук не выпускал, унесла в спальню.

Все засмеялись, но Леонид, ничего не замечая и глядя теперь на одну тетю Раю, договорил:

– Я бы только одного потребовал у... все равно, у гения этого доброго, или у кого там. Сил... нет, нет, не точно, а средств, которыми я мог бы достичь исполнения моих желаний. И средств опять по моему выбору, потому что и за средства я отвечаю. Да вот! – почти закричал он радостно, точно яркая мысль озарила его, – вот что я бы потребовал: пусть никто, если я с просьбой к нему обращусь, мне не откажет. Тут доверять надо, что я идиотского или бесцельного не попрошу. Но если физически может, пусть исполнит! Больше ничего не надо. И даже не навсегда, на что мне! Только на... ну, хоть на месяц, на два месяца!

– Сказку хитренькую придумал для себя фантаст! – сказал Нестор Иванович, барышни пожали плечами; Наташа проговорила: «Нет, я бы выдумала что-нибудь поволшебнее; я и так знаю, что если разумно попрошу о чем-нибудь человека, – он не откажет».

– Вам-то? Еще бы! И разумное, и безумное! – слюбезничал студент-полковник.

Она ему ответила. Завязался легкий разговор. Тетя Рая между тем, наклонившись к Леониду, сказала вполголоса, без улыбки:

– Два месяца?

Он встрепенулся и, вместо ответной шутки, сказал: «Да». Она повторила: «Да». Помолчав, прибавила так же тихо:

– Вы против насилия («Откуда она знает, что я против насилия?» – подумал Леонид). А ведь это средство – тоже насилие. Маленькое? Краткое? Берете на себя?

Леонида кольнуло. Ничего не ответил.

– Да, это я так, для вас. Не в этом дело. Больше берете, ну и это? А, может быть, не надо?

Он хотел крикнуть: «Не надо!» (точно все взаправду)! Но опять ничего не сказал. Тетя Рая посмотрела на него ясным, добрым взглядом еще раз – и отвела глаза, с другими заговорила. Разговор шел... ну, о чем разговаривают эмигранты, собравшись вместе, если это не очень серые беженцы, не очень заняты личными делами и не вполне нищие? Все о том же, о России, о ее пленении, о ее властителях, – словом, о том, что принято называть «политикой».

Когда подошло к двенадцати, – все стали делать вид, что им особенно весело, хотя всем сделалось грустнее и скучнее. Чокались, – разорился Нестор Иванович, целых две бутылки настоящего шампанского! – смеялись, поздравляли друг друга. Леонид уже чокнулся, кажется, со всеми, когда увидел, около своего, почти полного, стакана, – другой, в руке тети Раи. Увидел косынку, выгиб темных бровей и глаза, которые показались ему огромными. Стекло слабо зазвенело. «Исполнение желанья», – сказала она, и вдруг точно молния пробежала по телу

Леонида. Он вздрогнул, задохнулся, но успел залпом выпить стакан, прежде, чем выронил его на пол.

– Это к счастью! Это к счастью! – закричали кругом. Смотрите, вдребезги!

Не очень долго еще оставались. Вышли, кажется, все вместе, кучей (Леонид не хорошо помнил), но потом он оказался на мертвой, черной набережной один. Тяжелая влажность ласкалась к лицу. Неподвижные огни чередовались, – около них еще чернее чернелся воздух.

Легкие, быстрые, точно нагоняющие шаги. Обернулся. И как будто не удивился, увидав тетю Раю. Странно только: совсем как сидела у Панкратовых: косынка тоненькая и на светло-серое платье ничего не натянуто.

– Проводите меня немножко. Недалеко.

Пошли вместе. Удивительно легкий шаг у нее, а была скорее полна, а роста хорошего, среднего. В улочку налево завернули, потом в другую, потом в третью.

– Теперь прощайте, – сказала она, остановившись и подавая ему горячую руку. – Не надо терять времени, вот что я вам напомнить хотела. Ну, завтра еще испробуйте, если не будет веры, что по желанию уже имеете. Один денек или два – не так уж много, из двух-то месяцев.

Они стояли под фонарем, у какой-то глухой стены, даже без реклам.

– А я не схожу с ума? – криво усмехнулся Леонид. – Скажите мне правду, прошу вас...

– Полная правда, – нет, нет. Да вы сами знаете. И ведь это так просто...

Ясные глаза смотрели на него теперь с грустью и – с неоскорбительной жалостью.

– Бедный мой... – проговорила она как-то матерински. – Ну, ничего. Надо вам это, должно быть. Храни вас Господь.

Леонид еще что-то хотел сказать, спросить... но заметил, что ее уже не было около него. Посмотрел, нет ли двери в стене, к которой она привела его, – двери не нашел. Добежал до угла, заглянул в черноту, и там пусто.

«Чепуха, чепуха! – рассердился он вдруг на себя. – Бред какой-то! Простудился я, что ли?».

Очень уж было поздно, когда он, все время вздрагивая от сырости и повторяя: «Чепуха! Вздор!», дошагал до дому. В комнате тоже было холодно, печка погасла. Быстро разделся и упал в сон, как в провал, – точно умер.

* * *

Бывают неожиданности. Леонид проснулся с совершенно ясной душой. И с ясной притом памятью о вчерашнем. Попробовал, было, повторить: «Что за чепуха!», но засмеялся: несколько не верил, что чепуха, напротив: несомненно верил, что так это все есть, как она сказала, – даже и проб делать нечего. Здравое рассуждение насчет невозможности происшедшего и бессмыслицы самой веры тоже присутствовало, но ничуть этой вере не мешало.

Хоть лег поздно, – вскочил бодрый, свежий в обычное время. Какая-то новая торопливость в нем нарастала; и веселье – и беспокойство. Быстро зажег печурку, поставил на нее кувшин воды греться. Одевался спеша. В окно смотрел опять мутный, едва разлепивший ресницы, день. Но Леониду он показался хорошим: день, как день, и мутные дни хороши. Почему им не быть?

Одеваясь, припоминал, – разве молча шли они по набережной, а после по улочкам, до той стены? Нет. Только он не слышал как-то слов, звуки одни слышал. Теперь он эти звуки старался припомнить. Сначала вспомнил голос спутницы, потом, вместе с картиной темноты вокруг, блестящих, под каждым фонарем, камней тротуара, пришли и звуки – уже понятных слов. Ну да, конечно, это она и говорила, да так он и сам знал. Просьба исполняется только при личном обращении, сказанная голосом, услышанная и понятая человеком, или людьми,

к которым обращена. И просьба о действии, которое этот человек фактически и физически может совершить. Всякий раз надо подчеркнуть: прошу вас...

«Ну да, ну да, именно так я и вообразал, отнюдь не иначе, иначе и невозможно...». Он задумался, глядя на кувшин с водою на печке. Вода уже кипела, – не замечал. «Конечно, попроси я достать луну с неба, или кого-нибудь, рояля не выдавшего, сыграть мне шопеновский этюд, – просьба осталась бы неисполненной... Или еще, если б я сказал человеку, обожающему жену свою: прошу вас, разлюбите! Конечно, не разлюбил бы, не от него зависит... Но – ах Боже мой! если б сказать: убейте ее, – ведь убил бы?».

Брови у него болезненно сжались: «Доверие какое у нее! Знает, что такого не попрошу, никогда. Никогда!».

Отвращение к насилию у него было органическое. Но именно потому, что органическое, слишком цельное, – лежало оно в нем грубо: мыслью, рассуждением мало затронутое. И лишь вскользь вспомнились ему слова о том, что и в непременно, неизменно исполненной просьбе – тоже есть насилие. Не приказание ли такая просьба? Да, может быть... Но мысль не остановилась на этом, некогда, побежала дальше.

И вот, медленно, неуловимо медленно, как далекая туча на ясное небо, стала наплывать на него какая-то, едва ощутимая сначала тревога. Кувшин с водой выкипел, облив зашипевшую печку: едва, жиденько, у дна еще бурлило; поленья рассыпались углями, красным и черным рдеющими; а Леонид, полуодетый, все еще сидел неподвижно на стуле и неподвижно глядел на огонь. Брови сдвинул, с непривычным усилием соображая, ища первой правды – перед собой. И перед собой надо быть честным.

«Я говорил, что хочу средств, для исполнения моего желания. И выбрал сам средство. И получил, она не обманула. Это я ее обманул. Я говорил так, будто могу, первое свое желание твердым словом определить, как Мишка – вагоны. А сам тогда и для себя словами-то выговорить мог ли?».

«Ну, хорошо, – думал он дальше. – Не мог тогда, но слова есть же? Надо сузиться, в реальность себя ввести».

Если б не мелочная честность, Леонид давно бы нашел в себе слово для желания. И когда, наконец, нашел, – Россия! – то даже удивился: о чем думал? Конечно же, это одно в нем и было, это первое, заветное, и узкое – и широкое, – освобождение России. И как это он, зная, будто не знал?

– Теперь надо действовать! – громко сказал он, поднялся, провел рукой по лбу, поглядел еще бессмысленно на пустой кувшин и гаснущие угли, потом быстро умылся холодной водой и, накинув пальто, сбежал вниз: в маленьком угловом кафе он обычно пил утром кофе с круассаном.

День просветлел. Да и по движению на углу заметно было, что час уже не ранний. Леонид взглянул: десять! На службу, значит, опоздал. Ну, ничего. Смутно чувствовал он, что облегчение его – временное, что сейчас, вот-вот, надвинется на него новая туча, темнее первой.

И в самом деле: первые, быстрые облачка-лапки этой тучи уж стали тут же набегать. Он не впусую сказал: «Надо действовать». Знал, что надо. Посланный дар (уверенность, что он им обладает, была прежняя) – этот дар обязывает. Сам хотел, сам выбрал. Теперь он отвечает и за него, в совести своей... – перед кем? Да перед всеми! Она не даром сказала, – нельзя терять времени. Ведь только два месяца!

Только? Пожалуй, прежде он решил бы, что и двух дней довольно, с таким-то средством! Но сейчас было уже другое. Уж надвигалась туча... Действовать, да и сейчас же, не только дни, но драгоценных следующих двадцати минут не теряя... но что делать? Куда идти? К кому? Кого просить? О чем? – вот сейчас, сию минуту начиная, – какой первый шаг из тысяч, ведущих к цели?

Он сидит в бистро, в Париже. Его никто не знает, он никого не знает. И, главное, ничего не знает, совсем ничего! Газета валяется на соседнем столике, – вспомнил, что уж давно и газет не читал, – изредка русскую, какая попадалась. И у него нет никого, – ни друга, ни товарища, знакомого даже, которому бы он верил. А если б и были? Что они рассказать ему могут? Он давно, незаметно, ушел в свою келью под елью, спрятался, пригрелся там; давно в полглаза видится ему этот муравейник, где муравьи душат друг друга. Идти к ним за помощью? Он не шел никогда. И вот, сам превратился в беспомощного. С ужасом, с ясностью, сознавал свою беспомощность в эту странную минуту.

«Нет, так нельзя! – опомнился он. – Что за стыд? Я не мальчишка. Нужен план действий, и я его составлю. На это есть вечер, ночь... Сейчас сделаю только первое, необходимое, что, во всяком случае, будет нужно».

Первое, конечно, свобода, иметь в своем распоряжении все минуты этих двух месяцев. И, почти уже не думая о дальнейшем, он вышел из кафе и направился в ту французско-русскую контору, где служил. Как-то решилось, что будет просить отпуска, – по личным обстоятельствам, – и ровно на два месяца. «До тринадцатого марта», – быстро счел он. Почему отпуска, а не отказа от службы, – он и сам не знал; так пришло в голову, а размышлять он не решался.

В конторе взглянули на него с удивлением, а сосед его по работе, М. Дюнуа, даже с недоброжелательством. Но едва Леонид попросил его провести в кабинет заведующего (первая просьба!), тотчас предупредительно вскочил.

У заведующего все обошлось, как и ждал Леонид. Работы было много, время горячее, штат сокращенный; но Леонид уж придумал, как устроить, чтобы дело не пострадало и чтоб отпуск, который тотчас был ему дан, больших неприятностей никому не доставил. «Мою работу, в виде extra²

---

² приработок (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.